

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД КАПИТАНА ГЕТМАНОВА

«На крайних восточных рубежах», - так называется книга, выпущенная в этом году Камчатским краевым объединённым музеем к 70-летию окончания Второй мировой войны, завершающим этапом которой стала Курильская десантная операция. Книга, рассказывающая об участии в высадке на Северные Курилы частей Камчатского оборонительного района, пополнила достаточно скромный список изданий, посвящённых этой теме. В основу её положены материалы, поступившие в музей в 1999 г. с Украины, из Львова, подготовленные жившим там майором Советской Армии в отставке, бывшим политработником Сергеем Константиновичем Юдиным.

Текст Сергей Гаврилов

В нашем музее сформирован личный фонд С. К. Юдина, который содержит его биографические материалы и уникальные документы конца 1930-х – середины 1940-х гг., в том числе, например, повестку о призыве в РККА, выписанную в октябре 1938 г., грамоту и благодарность Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении островов Курильской гряды: Симу-сю (Шумшу) и Парамушир. Но большую часть этого фонда составляют материалы мемуарного и литературного характера. Здесь воспоминания о службе на Камчатке и Курилах в 1938-1947 гг., биографические очерки о фондообразователе, некоторых его сослуживцах и командирах, о Курильской эпопее августа 1945 г. и её участниках, уникальные сведения о жизни в послевоенные годы на освобождённых Курилах, очерки по истории отдельных воинских частей. Фрагменты этих материалов печатались в 1980-е гг. в газетах «Курильский рыбац», «Советский Сахалин» и «Камчатская правда», но большая часть их никогда не публиковалась. Особый интерес представ-

ляет переписка с командиром 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллиным, жившим в Казани. Интересна схема японских укреплений на острове Шумшу, составленная Н. Т. Поповым, и его воспоминания о службе на крайней оконечности полуострова Камчатки «Форпост на Лопатке», дополненные и прокомментированные фондообразователем.

Познакомимся с ним поближе. Сергей Константинович Юдин родился 3 января 1917 г. в селе Караси Челябинского уезда в бедной многодетной семье, где кроме него имелись ещё четыре старших сестры и брат. После смерти отца Юдины жили тяжело. Наступила пора, старшие дети «пошли в люди, кто куда, и все выжили». Сергей окончил четыре класса и в 1932 г. в потёртом зипунчике, с котомкой за плечами, в которой были лишь булка, немного масла да пяток яиц, отправился в город Барабинск. Здесь в школе фабрично-заводского ученичества можно было выучиться на очень востребованную и уважаемую в то время, к тому же одну из самых

пролетарских, профессию слесаря-ремонтника паровозов. «Фабзавец», то есть фэзеушник, по нормам снабжения приравнялся к кадровым рабочим, а это значило, что он мог ежедневно получать по карточке целых восемьсот граммов хлеба – настоящее богатство для постоянно голодного подростка!

Окончив школу в 1934 г., вначале стал слесарем, но в этом же году перешёл на вагонный участок одной из станций Омской железной дороги, где трудился до 1938 г. осмотрщиком вагонов, мастером, приёмщиком. Здесь приохотился к общественной работе, в 1937 г. вступил в комсомол, был избран комсоргом, затем – членом бюро райкома комсомола. Занимался самообразованием: в этом же 1937 г. окончил семь классов вечерней школы.

В октябре 1938 г. призван на срочную службу в РККА, попал на Камчатку в формирующиеся части главной воинской силы на полуострове – 101-й горно-стрелковой дивизии. Вначале был рядовым красноармейцем-артиллеристом, но вскоре, с учётом опыта предыдущей

комсомольской работы, стал помощником политрука, то есть вошёл в младший политический состав, был избран комсоргом 279-го артиллерийского полка. В 1940 г. вступил в компартию. В январе 1941 г. стал комсоргом 428-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования, а с июня 1942 г. – политруком пулемётной роты 138-го стрелкового полка. В 1943 г., уже в звании лейтенанта, Сергей Юдин становится парторгом 726-го отдельного зенитного дивизиона, а в октябре 1944 г. назначается на хлопотную должность инструктора политотдела дивизии, становится специалистом по кадровой работе.

После Курильского десанта здоровье Сергея Юдина пошатнулось – начали мучить приступы, как он говорил, «злой гипертонии», очевидно, последствия перенесённых в нелёгкие военные годы трудов и лишений. Последовало увольнение из армейских рядов. С ноября 1947 г. трудился в Полтаве. Здесь, на благодатной украинской земле, его здоровье поправилось, и в феврале 1950 г. он был вторично призван на службу, на сей раз в железнодорожные войска. Вот тут-то и пригодились навыки, полученные полтора десятка лет тому назад в Барабинске. На новом месте службы был секретарём парторганизации учебного полка, инструктором политотдела, зам. командира отдельного железнодорожного батальона. Работать пришлось много: часть восстанавливала железнодорожный переход через Карпаты, который до основания разрушили отступавшие нацисты, затем прокладывали рельсы в Чехословакию, Румынию, Болгарию. Позднее строили подъезды от Львовско-Волынского угольного бассейна и транспортный переход в Польшу. Пришлось поучаствовать и в трагических событиях 1956 г. в Венгрии. За годы воинской службы награждён двумя орденами – Красной Звезды (за Курильский десант), позже – Отечественной войны 2-й степени и двенадцатью медалями, в том числе двумя «За боевые заслуги».

Вновь дала себя знать гипертония. Она и стала причиной окончательного увольнения из армии. С июня 1962 года С. К. Юдин трудился во Львове на военном заводе, ремонтировал радиолокационные станции. Был техником, мастером, инженером, заместителем начальника отдела.

Находясь на пенсии, как он указывает, «писал воспоминания, публикации о Курильском десанте в разные газеты». Вот на этом его занятии, ставшем смыслом последних лет жизни, остановимся поподробнее. Сейчас, изучив собранные им материалы, можно смело сказать, что этот человек совершил в жизни два подвига: первый – воинский в ходе Курильской десантной операции, а второй – гражданский, кропотливо собрав и обработав большое количество документов, писем, воспоминаний, касающихся малоизвестной довоенной и военной истории Камчатки.

В письме в музей он сообщал: «После ухода на пенсию я решил написать всё, живо сохранившееся в памяти, о Камчатке и воинской службе в 1938-1945 гг. Материал оказался громадным, и об издании не могло быть и речи... Много биографического, но фактов жизни и деятельности частей, в которых я служил, уйма. Даже не знаю, как вам удастся это использовать». В это время ему уже исполнилось 82 года.

В изданной этой осенью книге использованы почти все, за малым исключением, материалы автора, кроме повторов. В отдельную завершающую часть выделен очерк «Форпост на Лопатке», написанный другом Сергея Юдина Н. Т. Поповым. Ярчайшим примером огромной значимости проделанной С. К. Юдиным работы является благодарность,

высказанная ему Александром Гетмановым, сыном героически погибшего при высадке на остров Шумшу капитана Василия Ивановича Гетманова. Вот выдержка из его послания из Киева от 13 августа 1982 года: «Сегодня получил письмо от тёти Ани. Она переслала мне газету и фотографию отца. Я очень внимательно прочитал Вашу статью и вообще всю газету. Я ведь, по существу, ничего не знал об отце. Может, мама что-то и рассказывала, но это было очень давно, и я, конечно, ничего не помню. Я даже и не подозревал, что отец был такой эрудит. А родом он, между прочим, с Воронежской области. Я очень горжусь своим отцом. Эту газету обязательно дам почитать Андрею, он должен знать, кто был его дед, гордиться им и быть достойным носить его фамилию. Очень Вам благодарен за эту статью». Это яркий пример восстановления разорванной, было, связи поколений, приобретающий особенную важность в наше суетливое и беспамятное время.

Капитану В. И. Гетманову, долго жившему на Камчатке, и его подвигу посвящён отдельный очерк. Так получилось, что два его малолетних сына, рано потерявшие отца, вскоре остались и без матери, воспитывались в детдоме. И только войдя в зрелые годы, смогли узнать подробности короткой, но яркой жизни их отца и его славной смерти*.

*Гибель капитана Гетманова кратко описана и в работе В. С. Акшинского, а произошло это тоже во многом стараниями С. К. Юдина. По этому поводу он отметил: «Данные о подвиге Гетманова для книги "Курильский десант" я дал полностью».

...Решил, что расскажу о моём друге, однополчанине Василии Ивановиче Гетманове. Несколько раз брал в руки перо... и одолевали сомнения. Найду ли нужные слова, смогу ли, как надо, рассказать о подвиге, в котором человек, коммунист, воин, презрел смерть во имя Победы...

Вскоре после мобилизации в армию группы коммунистов, партработников Камчатки, направленных на укрепление партийного и политического аппарата частей, политрук В. И. Гетманов, бывший инспектор Петропавловского горкома партии, зарекомендовал себя как деятельный, принципиальный коммунист-политработник.

Назначенный пропагандистом политотдела 101-й стрелковой дивизии он проявил себя настоящим политбойцом. В его выступлениях и лекциях всё было пронизано глубоким пониманием дум и чаяний бойцов, горячим призывом к героизму во имя защиты завоеваний Великого Октября. Бойцы и командиры любили слушать его.

Работая в политотделе дивизии, мне пришлось близко узнать Гетманова, более того, мы стали друзьями. Из коротких воспоминаний в минуты досуга моего друга, комсомольца тридцатых годов, задолго до начала Отечественной войны вступившего в ряды партии коммунистов, запомнились его рассказы о славных трудовых делах рыбаков Камчатки и комсомольцев. Одно время Гетманов был инструктором Корякского окружного комитета комсомола. Мы заслушивались его рассказами о жизни и быте коряков, чукчей, этих смелых, но сильно отсталых в ту пору народов Севера. Он говорил, как комсомольцы садились на олени или собачьи упряжки, презирая опасность, подстерегающую их, мчались за сотни километров в тундру, стойбища и там терпеливо несли кочевым народам слова правды. Они организовывали «Красные яранги», боролись за раскрепощение коряков и чукчей от влияния шаманов, знахарей, становились учителями, первыми несли им слова «партия», «Ленин», «Москва».

Гетманов увлекательно рассказывал о тяжёлом труде оленеводов, промысле морского зверя.

Василий Иванович Гетманов. Фото из фондов КГБУ ККОМ.

Василий Иванович постоянно учился. Учился мудрости жизни и мудрости знаний, много читал. Хорошо знал историю, в том числе и народов Севера, любил Камчатку.

В политотделе он пользовался всеобщим уважением. Трудолюбие, рассудительность, вдумчивость при анализе состояния дел в частях — были его неотъемлемыми качествами. По вечерам в свободное время нередко приходилось бывать у него дома, в семье. Жена Полина Ивановна, радушная хозяйка, коренная ленинградка, подавала чай. Она, всегда жизнерадостная, отличалась остроумием. Затеет, бывало, спор, вмешается и одним к месту вставленным словом или фразой поставит точку. Мы смеёмся. «Ну, вот, — бывало, скажет Василий Иванович, — и спору конец. Полина наша — великий мудрец».

Очень редко, но случалось, что на столе появлялся графинчик с какой-нибудь настойкой. Наступало оживление...

Не помню сейчас, каких краёв уроженцем был наш гостеприимный хозяин, но, скорее всего, с Украины. Как он рассказывал о ней! Помню, с каким вдохновением читал стихи:

*Ты знаешь край, где всё обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишнёвых рощах тонут хутора.*

Любил он русские и украинские песни, а больше всего — «Вечерний звон». Посадит сынишку Гену на колени, маленького Сашеньку на

Семья капитана Гетманова после его гибели некоторое время жила в Петропавловске. Жена Полина Ивановна работала в редакции газеты «Камчатская правда», позднее уехала на материк. Она скончалась в Омске в 1956 г., дети, как мы знаем, попали в интернат.

В последние годы столица Камчатского края развивается, строится и хорошеет. В ней появляются новые улицы. Может быть, пришла пора назвать одну из них именем настоящего героя — капитана Гетманова, не просто прошедшего на Камчатке и в Петропавловске значительную часть своей короткой жизни, но и отдавшего её за наше с вами светлое будущее, ушедшего отсюда в свой последний поход и не вернувшегося назад?

стол, меня заставит выводить «Бом... Бом...», а сам с увлечением затягивает: «Вечерний звон, вечерний звон...» Песня нам явно не удавалась. Полина Ивановна заразительно смеялась. «Будет вам, певцы, соседей напугаете», — шутила она.

Кстати, лучшей и любимой лекцией моего друга была о советском патриотизме. Он много над ней работал, проштудировал массу литературы, сделал кучу выписок. Там были и Л. Н. Толстой, и Н. В. Гоголь, и В. Г. Белинский, и, конечно, больше всего мыслей В. И. Ленина.

Мой друг быстро втянулся в военную службу. Сухощавый, мускулистый, он не боялся никаких физических нагрузок. Хорошо стрелял, был отличным лыжником. Помню, как со стрелковым полком мы совершали ночной марш. Мне, как более молодому и натренированному в таких делах, казалось, что ему придётся нелегко. Однако мы прошли пятьдесят километров, и он не только был бодр, но и на каждом привале оживлённо беседовал с бойцами.

Сутки от получения боевого приказа до отплытия десанта были насыщены до предела. Штаб и политотдел в это время находились на командном пункте дивизии на восточных скатах высоты 261,0, что севернее Авачинской губы (на Мишенной сопке. — С. Г.). Сразу после уяснения боевой задачи, стоявшей перед частями дивизии, наш начальник подполковник

М. А. Алентьев собрал политотдельцев и всем дал конкретные задания. Предстояло в короткий срок провести большую работу: довести до личного состава частей смысл и значение необычайной боевой задачи — предстоящего морского десанта по освобождению Курильских островов.

Капитан Гетманов направился в 138-й стрелковый полк. В этот день он больше в политотделе не появился, успел побывать в первом и третьем батальоне полка. Вместе с заместителем командира части собрал политработников, беседовал с коммунистами и комсомольцами. Вечером доложил: «Задача воспринимается с энтузиазмом, настроение в полку боевое, сосредоточение для посадки на суда идёт организованно». Гетманов уже знал, что он будет следовать в составе первого эшелона главных сил десанта.

Весь день и большую часть ночи все политотдельцы провели в частях. Шло сосредоточение личного состава, части и подразделения выдвигались в район Петропавловского порта на погрузку. Последний раз я встретился с Гетмановым уже при посадке 138-го полка на суда. Это случилось утром 16 августа. Он стоял у входа в порт, на шее у него сидел маленький Саша, рядом стояли Гена и Полина Ивановна. Все были взволнованы, но меня приветствовали радостно. «Вот видишь, — шутил Гетманов, — весь расчёт в сборе. Забежал на минутку домой проститься, а они все в голос: проводим тебя, папка, до порта, всё равно по пути!» Расцеловавшись с детьми и женой, сказал: «Ну, мне пора, не печальтесь, родные, скоро увидимся. Вернёмся с победой!» — и направился на посадку.

О том, что наш боевой друг и товарищ погиб, мы узнали рано утром 19 августа. Возвратившись с о. Шумшу на корабль «Киров», на котором находилась оперативная группа штаба и политотдела десанта во главе с генералом П. И. Дьяковым, разведка доложила, что передовой отряд под командованием майора П. И. Шутова успешно решил боевую задачу по захвату плацдарма. После доклада генералу старший лейтенант А. Дьяков сообщил мне, что Гетманов погиб. После высадки на остров, пробираясь на боевые позиции 373-го

стрелкового полка, чтобы найти заместителя по политчасти майора Моргослепенко, Дьяков встретил сержанта Николая Петрова, моего друга по службе в 138-м полку. Тот один шёл к берегу по тропинке в густых зарослях около ручья. Правая рука была перевязана и висела на бинтах. Встрече искренне обрадовался. «Дали мы прикурить самураям, теперь не очухаются, — заявил он. — А я отвоевался. Вот, руку, гады, осколком перебили». На вопрос о том, как прошла высадка, кратко рассказал: «Плыли нормально, море было спокойно. Бойцы почти ночь не спали, велико было напряжение. Ведь предстоял бой. Всё время среди них были командиры и капитан Гетманов из политотдела. Он рассказывал о Курилах, как их захватили японцы. Потом читали присягу, памятку десантнику, беседовали с коммунистами и комсомольцами. Погиб капитан Гетманов, и старшина Лызлов погиб».

Старшина Паша Лызлов был секретарём политотдела. Добродушный и исполнительный, аккуратный парень, заядлый гитарист и песенник. Я вспомнил, как он хлопотал, собирая необходимое для работы в маленький чемоданчик. Помню, что и гитару он взял с собой. Я попросил рассказать подробнее и вот что узнал.

«Когда наше судно подошло к берегу, японцы с мыса Кокутан-Саки открыли артиллерийский огонь прямой наводкой. Расстояние было малое, стоящее почти вплотную справа десантное судно горело. Промедление, даже на минуту, грозило людям гибелью. Командиры и бойцы, понимая это, бросались в воду, вплавь выбирались на берег. Я плавал хорошо, и мне командир роты приказал быть замыкающим. Но часть бойцов, не умеющих плавать, замешкались. И тут капитан Гетманов организовал их посадку на шлюпку по левому борту судна, скрытому от прямого огня противника. Действовал он решительно и хладнокровно. Море кипело от взрывов, были убитые. Гетманову помогал старшина Лызлов. Вот одна шлюпка ушла к берегу. В числе последних поспешил на посадку и Лызлов со своим чемоданчиком и... гитарой. В это

время раздался взрыв на палубе у левого борта. Жалобно тренькнули перебитые гитарные струны, инструмент мелкими щепками рассыпался по палубе. Смертельно раненый старшина упал, обливаясь кровью. Гетманов, презирая опасность, продолжал посадку людей на шлюпки, но эта последняя ушла на берег без него. Прямым попаданием снаряда капитан был сражён насмерть».

Наш боевой друг и товарищ, коммунист, агитатор выполнил свой долг до конца. Вражеский снаряд оборвал его жизнь, когда он проводил в бой последнего бойца.

Не дождался Гена и Саша своего папки, не пришлось Полине Ивановне проводить любимого мужа в последний путь. Корабль, на котором группа раненых бойцов и тела погибших, в том числе и капитана Гетманова, были отправлены на Камчатку, получил повреждение и задержался в пути. Командир принял решение похоронить тела погибших в море. На палубе выстроилась команда и раненые десантники, которые могли стоять в строю, со своим оружием. Короткая прощальная речь, оружейный залп, и море приняло тела героев.

За проявленное мужество и храбрость при высадке десанта капитан Василий Иванович Гетманов был посмертно награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

В январе 1946 г. по делам службы я выехал с островов в Петропавловск, имел задание вручить этот орден семье капитана. Скорбные это были минуты! К этому времени Полина Ивановна с сыновьями перебралась из военного городка в город, где ей исполком выделил скромную квартиру. Работала, кажется, в типографии областной газеты.

Прошло много лет. Где сейчас Саша и Гена Гетмановы? Они уже взрослые. На моё письмо живо откликнулся Петропавловский горком комсомола, обещал направить на поиск следопытов. Хочется, чтобы имя героя было золотыми буквами написано во всех памятных местах. Трудящиеся Камчатки и Курил должны знать о его подвиге...

